

РАЗВОДЪ НАДЪ ОБЛАКАМИ.

РАЗСКАЗЪ ПОЛЯ МЕРИ.

Ученому міру извѣстенъ Бельзони, знаменитый путешественникъ, который открылъ вторую пирамиду и издалъ сочиненіе объ Египтѣ и о теченіи Нила, отъ Такаса до моря, забывъ однако жъ полуостровъ Мерое, гдѣ, по словамъ Геродота, была колыбель гимнософистовъ и гдѣ, къ чести всего края, сохранился въ-живыхъ дорогой жрецамъ Изиды священный земляной жукъ.

Не пугайтесь важности моего вступленія. Скука — дочь важности. Она не можетъ покуиться на матерубійство, которое, если бы совершилось, могло бы сдѣлать даже ученую книгу очень занимательною. Чего скука по дѣтской привязанности не смѣетъ сдѣлать, на то мы пойдемъ сегодня... если только удастся.

До поступленія въ достопочтенное сословіе ученыхъ, Бельзони былъ канатнымъ плясуномъ. Когда Мегеметь-Али, обремененный заботами о наслѣдствѣ фараоновъ и лишенный добраго совѣта, опускалъ отягченную тоскливыми думами голову на свою сѣдую бороду, приближенные обыкновенно призывали синьора Бельзони, не ученаго, и просили поплясать на канатѣ, который прикрѣплялся къ двумъ пальцамъ. Это упражненіе въ Египтѣ очень затруднительно: крученая пенька обливается пѣтою плясуна и становится скользкою. Бельзони нѣсколько разъ свалился и подалъ въ отставку. Мистеръ Гоггсъ, членъ лондонскаго королевскаго филантропическаго общества, посоветовалъ ему сдѣлаться ученымъ и онъ послушался. Въ Египтѣ довольно трудно усвоить себѣ науку, съ тѣхъ поръ какъ великій Омаръ оказалъ человѣчеству безсмертную услугу сожженіемъ александрійской библіотеки. Между-тѣмъ синьору Бельзони удалось составить себѣ порядочную репутацію въ ученомъ мірѣ. Онъ выкурилъ множество трубокъ табаку передъ надписью Помпеевой колонны и объяснилъ мистеру Гоггсу нѣсколько іероглифовъ, какъ мы съ вами объясняемъ святочные загадки и *ребусы* Иллюстраціи.

Однажды мистеръ Гоггсъ прочиталъ въ одномъ англійскомъ журналѣ переводъ фельетона *Journal des Débats*, въ которомъ знаменитый композиторъ и остроумный писатель Гекторъ Берліозъ указалъ новый способъ проходить песчанья пустыни, не подвергаясь обыкновеннымъ неудобствамъ этого путешествія. Дѣло состояло въ томъ, чтобы сѣсть на аэростатъ и тянуться по бичевѣ съ дромадеромъ и его феллахомъ. Остроумный Берліозъ, можетъ-быть, только пошутилъ, но мистеръ Гоггсъ принялъ замысловатую выдумку вовсе не въ шутку и сообщилъ ее синьору Бельзони. Ученый

италіянець, сохранившій воспоминаніе о горизонтальной веревкѣ, обрадовался случаю сдѣлать опытъ надъ вертикальною и выпросилъ у мистера Гоггса тысячу фунтовъ стерлинговъ за честь и позволеніе сопровождать его въ воздушномъ путешествіи.

Мистеръ Гоггсъ отвѣчалъ:

— Я англичанинъ, слѣдовательно тысяча фунтовъ стерлинговъ мнѣ ни по чемъ. Вотъ вексель на имя Пастрѣ, въ Александріи. Издержки на наше путешествіе будутъ такъ значительны, что этой суммы въ массѣ и не примѣтишь. Нужно только, чтобы египетскій паша выдалъ намъ фирманъ и выслалъ арабовъ къ Луннымъ Горамъ, къ предполагаемымъ источникамъ Нила, чтобы построили шалаши и приготовили запасъ цинку и всякой провизіи. Я заплачу за цинкъ, за провизію и за арабовъ. Нужно построить колоссальный аэростатъ. Нужно нанять дромадера и феллаха.

На это синьоръ Бельзони замѣтилъ:

— Мистеръ Гоггсъ, ваши умныя рѣчи придають мнѣ смѣлость попросить у васъ еще одну тысячу фунтовъ стерлинговъ, чтобы быть болѣе достойнымъ чести сопровождать васъ. Подобный случай можетъ представиться только одинъ разъ въ жизни и я хочу имъ воспользоваться. У меня, въ Венеціи, есть жена, которую я очень люблю, и трое дѣтей, которые безпрестанно просятъ ѣсть.

Синьоръ Бельзони прослезился и тронутый мистеръ Гоггсъ далъ еще тысячу фунтовъ стерлинговъ.

— Всякое путешествіе должно имѣть какую нибудь серьезную цѣль, сказалъ потомъ мистеръ Гоггсъ. Наше путешествіе тоже должно быть предпринято съ серьезною цѣлью. Я не хочу прогуливаться по воздуху для одной потѣхи страусамъ, крокодиламъ и ибисамъ. Европа смотритъ на насъ, — по своему обыкновенію. Мы кончимъ трудное дѣло, начатое Мунго-Паркомъ, Пригчи, Брюсомъ, Россиньодемъ и другими; мы отыщемъ источники Нила, если только у Нила есть источники. Мы отыщемъ ихъ непременно и избѣгнемъ притомъ неприятностей, испытанныхъ нашими предшественниками отъ зноя, насѣкомыхъ, пыли, песку и горбовъ дромадера. Со времени царствованія Георга-Третьяго, англійское казначейство истратило семьдесятъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ для отысканія колыбели Нила. На эту сумму можно было бы поить весь Лондонъ джиномъ и портеромъ до скончанія Англій, если только Англія можетъ скончаться, — чему я впрочемъ не вѣрю. Теперь мы совершимъ экспедицію на мой счетъ, а потомъ, когда откроемъ источники Нила, казначейство возвратитъ мнѣ деньги.

— Въ такомъ случаѣ я у васъ попрошу еще одну тысячу фунтовъ стерлинговъ, сказалъ Бельзони: вѣдь я буду единственнымъ ученымъ членомъ этой экспедиціи.

— Согласенъ, отвѣчалъ щедрый мистеръ Гоггсъ.

На сооруженіе аэростата потребовалось три мѣсяца. Бельзони воспользовался этимъ временемъ, обшарилъ нѣсколько новыхъ подземельевъ второй пирамиды и открылъ два клада дѣвственныхъ мумій, изъ тѣхъ самыхъ, которыя лондонскій аптекаръ

Уайтъ, — въ улицѣ Кингъ-Уильямъ, — выписываетъ нарочно для составленія своего испытаннаго средства противъ горловыхъ болѣзней.

Когда все поспѣло, Бельзони, мистеръ Гоггъ и мистрисъ Гоггъ поплыли вверхъ по Нилу до черныхъ утесовъ Фила. Мистеръ Гоггъ предварительно бралъ уроки воздухоплаванія у одного ученика Гарнерена, который въ Каирѣ сдѣлался мусульманиномъ и, по нерасположенію къ супружеству, женился на цѣломъ сералѣ. Бельзони, какъ человѣкъ ловкій по превосходству, мигомъ усвоилъ себѣ всѣ снаровки новаго ремесла. Между Неномъ и Ассуаномъ сдѣлали генеральную репетицію, которая удалась какъ нельзя лучше. Оказалось, что можно пуститься въ лазоревыя пространства и дышать въ Египтѣ такимъ же свѣжимъ воздухомъ, какъ на вершинѣ Монъ-Блана. Путешествовать такимъ образомъ значитъ шагать по хребтамъ горъ, не касаясь ихъ подошвами, говорилъ ученый италіянецъ.

Скоро передъ путешественниками развернулась безпредѣльная, безводная пустыня. Мистрисъ Гоггъ, прекрасная александріянка, лѣтъ тридцати, грозилась мужу броситься промежъ двухъ спящихъ въ камышѣ крокодиловъ, если ея не примутъ въ члены ученой экспедиціи для отысканія источниковъ Нила. Мистеръ Гоггъ опасался больше поставщиковъ на сералѣ, чѣмъ крокодиловъ и посадилъ подругу своей жизни въ лодку аэростата. Пристегнули дромадеру промежъ двухъ горбовъ подпруту изъ сыромятнаго ремня, прицѣпили къ нему большой желѣзный крюкъ съ длинной бичевою и такимъ образомъ запрягли сухопутно-воздушный экипажъ. Въ кучера опредѣлили араба. Аэростатъ величественно поплылъ по воздушнымъ пространствамъ.

Путешественники затрепетали отъ радости, когда поднялись за предѣлы знойной атмосферы. Съ надоблачной выси обширная равнина казалась имъ ослѣпительно бѣлою, какъ-будто покрытою снѣгомъ, что еще больше придавало свѣжести окружающему воздуху. Мистрисъ Гоггъ надѣла шаль, а начальникъ экспедиціи и ученый членъ принялись играть въ экартѣ. Аэростатъ, увлекаемый рысью дромадера, мчался быстрѣе вѣтра, уходилъ по двѣнадцати узловъ въ часъ. Въ полдень мистеръ Гоггъ оставилъ карты, чтобы исправить географическую ошибку Брюса, который на своихъ картахъ позабылъ посвятить черную точку полуострову Мерое. Изъ лодки аэростата, въ лѣвой сторонѣ, подъ знойнымъ поясомъ, можно было видѣть сорокъ пирамидъ, которыя Геродотъ Правдивый насчиталъ по своимъ десяти пальцамъ.

Къ ночи воздушный шаръ опустился въ костлявую долину между двухъ горбовъ дромадера. Путешественники достигли оазиса Белькъ-Альзира, который служитъ какъ-бы растительною прихожею глубокой долины, гдѣ Камбизова армія задохлась отъ хамсина по возвращеніи изъ походу на египетскихъ сфинксовъ.

На зарѣ другого дня аэростатъ снова пустился въ путь. Всѣ нужныя приготовленія ко второму полету уже были сдѣланы тридцатью арабами, которые предупредили ученую экспедицію на оазисѣ. Во время отправленія съ этой станціи, термометръ Фаренгейта показывалъ уже + 33 градуса, а когда бичева вся смоталась, ртуть упала

до $+ 4^{\circ}$. Видъ страны сталъ ужасенъ. Къ сѣверу тянулись обнаженныя горы, какъ-будто вывихнувшіеся позвонки изъ хребта Мокатана, и печально зашедшія въ пустыню. Абиссинія межъ четырехъ горизонтовъ раскрывалась во всемъ своемъ мертвенномъ ужасѣ: небольшіе оазисы на огромныхъ разстояніяхъ появлялись, словно уединенныя черныя точки на большомъ бѣломъ листѣ. Строусы походили на ласточекъ.

Неожиданный порывъ верховаго вѣтра вырвалъ у мистеръ Гоггса его пять картъ въ такую минуту, когда онъ торжественно объявлялъ игру съ королемъ. Ученая экспедиція лишилась единственнаго своего развлечения. Бельзони по временамъ наклонялся за борть лодочки, чтобы поймать за хвостъ встрѣчнаго орла.

Когда огромный нень-ассоунскій обелискъ, какъ игла на солнечныхъ часахъ, показывалъ полдень, мистеръ Гоггсъ въ намѣреніи соснуть пріютился на большомъ пучкѣ бичевы и его супруга послѣдовала этому примѣру. Бельзони, покинутый товарищами, отъ нечего дѣлать принялся влюбляться въ мистриссъ Гоггсъ и сочинилъ италіанскій сонетъ, который и написалъ карандашомъ, съ намѣреніемъ поднести въ благопріятную минуту, кому слѣдуетъ. Италіянцу нельзя же не сочинять сонетовъ.

Мистриссъ Гоггсъ проснулась немножко раньше своего супруга и Бельзони съ пріятною улыбкой поднесъ ей свое любовное объясненіе. Сонетъ начинался такъ: *Nel cielo tua bellezza...*

Мистриссъ Гоггсъ прочитала и извинилась, что не понимаетъ. Отважный ученый схватилъ и крѣпко сжалъ руку молодой путешественницы. Это показалось ей дерзостью. Она вскрикнула и мистеръ Гоггсъ вскочилъ.

Мистеръ Гоггсъ былъ мужъ очень ревнивый и недовѣрчивый. Онъ тотчасъ примѣтилъ смущеніе на лицѣ Бельзони и гнѣвъ и стыдъ на смуглыхъ щекахъ жены своей. Дѣло тутъ же объяснилось: вѣтеръ забылъ унести сонетъ. Улика осталась на колыньяхъ у молодой женщины. Мистеръ Гоггсъ схватилъ ее, принялся, читая, переводить на англійскій языкъ и съ каждымъ стихомъ бросалъ свирѣпыя взгляды на безсовѣтнаго воздушнаго обольстителя. Бельзони потушилъ глаза. Оскорбленный супругъ сбирался стрѣляться въ двадцати шагахъ. Супруга простирала руки къ землѣ, какъ-будто умоляя спасти ея честь и жизнь мужа. Минута была торжественная, безмолвіе ужасающее, высота неимовѣрная. Только два-три орла, парившіе около аэростата, были свидѣтелями этой сцены.

Вдругъ сильный толчокъ, сообщенный шару неожиданно дернутою веревкой, отвлекъ вниманіе путешественниковъ отъ собственныхъ страстей. Они догадались, что имъ угрожаетъ чтѣ-то ужасное. Мистеръ Гоггсъ спряталъ сонетъ въ бумажникъ и раздвинулъ телескопъ во всю длину, чтобы обозрѣть положеніе дѣла на землѣ. Посмотрѣлъ и обмеръ отъ ужаса. Арабъ-погонщикъ исчезъ. Дромадеръ мчался со всѣхъ ногъ, а за нимъ неслись два льва, самецъ и самка, отличнѣйшей породы.

— Мы погибли! вскричалъ мистеръ Гоггсъ.

Онъ передалъ телескопъ женѣ. Мистриссъ Гоггсъ посмотрѣла и тоже поблѣднѣла.

Бельзони весь былъ поглощенъ своею любовью. Страсть его развилась неимовѣрно быстро, такъ быстро, какъ можетъ развиваться только на аэростатѣ. Онъ, вмѣстѣ съ Петраркою, сочинилъ еще сонетъ, — о счастіи умереть вмѣстѣ съ любезною и быть погребеннымъ съ нею въ одной могилѣ, въ желудкѣ льва, — *Nella stessa tomba colla mia Lauga*.

Львы настигли дромадера и вдругъ воздушный шаръ остановился въ небѣ, какъ солнце по приказу Иисуса Навина. Волненіе супруговъ Гоггсъ достигло высшей степени. Они безпрестанно передавали другъ другу телескопъ и съ каждымъ разомъ все болѣе ужасались. Впрочемъ и было отъ чего ужаснуться. Львы напали на упряжь аэростата съ такою жадностью, какъ-будто постились съ тѣхъ поръ какъ пировали надъ остатками Камбизовой арміи. Они въ одинъ мигъ распластали несчастнаго дромадера. Самка оторвала одну четверть и побѣжала, вѣроятно, угощать свое юное семейство, а самецъ преспокойно разлегся въ видѣ сфинкса передъ остальными тремя четвертями, какъ неаполитанскій ладзароне передъ блюдомъ макаронъ, и продолжалъ услаждать себя лично.

— Ахъ, Боже мой! вскричалъ мистеръ Гоггсъ обнимая жену, что съ нами будетъ?

Эта наглость супружескаго счастія раздражила Бельзони. Ему страхъ-хотѣлось выбросить нѣжную парочку за бортъ лодки, въ львиный ровъ.

— Что съ нами будетъ, продолжалъ мистеръ Гоггсъ, если шаръ нашъ будетъ такимъ образомъ стоять здѣсь какъ корабль на якорѣ? У насъ окажется недостатокъ въ сѣбствныхъ припасахъ, мы можемъ умереть съ-голоду! А если снимемся, Богъ знаетъ, куда вѣтеръ унесетъ насъ. Четыре страны свѣта для насъ — четыре пронасти, четыре подводныя скалы, четыре Уголиновы башни. Надежды — нигдѣ... И источники Нила опять останутся неоткрытыми! О, сосѣдь нашъ человѣколюбивый! небо, помоги намъ!

Апетитъ не безконеченъ даже у льва. Скушавъ два горба и выпивъ нѣсколько бутылокъ крови, левъ, облизываясь и помахивая хвостомъ, пошелъ прогуляться. Однако можно было ожидать, что онъ еще воротится ужинать.

— Что вы на это скажете, синьоръ Бельзони? вскричалъ мистеръ Гоггсъ: вы сохраняете оскорбительное для насъ спокойствіе. Что намъ теперь дѣлать? Говорите!

— Мнѣ жизнь ненавистна, отвѣчалъ Бельзони съ таинственнымъ вздохомъ: мнѣ совершенно всё-равно, гдѣ быть погребеннымъ, въ облакахъ или въ иномъ мѣстѣ. Ваше счастіе возмущаетъ меня и я съ удовольствіемъ увидѣлъ бы васъ издыхающихъ у меня на рукахъ.

— Но имѣйте же состраданіе къ этой бѣдной женщинѣ, синьоръ Бельзони! Вы видите, что она плачетъ и трепещетъ.

— А знаете ли вы, мистеръ Гоггсъ, что я лишаюсь трехъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ, которые мнѣ слѣдуетъ получить съ васъ за это путешествіе? Имѣйте же состраданіе ко мнѣ!

При такихъ разговорахъ наступила ночь. Должно было рѣшиться провести ее подъ одной кровлей. Внизу слышался вой хищныхъ звѣрей и по временамъ воздушная гостиница шаталась на своихъ основаніяхъ, когда какой-нибудь голодный гость насильственно отрывалъ себѣ котлетку отъ початаго дромадера. Бельзони мурлыкалъ про себя октавы Тасса, какъ венеціанскій гондольеръ на якорѣ передъ пристанью Святаго-Марка. Мистеръ Гоггсъ, вооруженный жердью, отгонялъ орловъ, которые принимали аэростатъ за уснувшую на облакахъ гору и ежеминутно грозились продавить ногтями тонкій пузырь и выпустить газъ. Ночь тянулась ужасно долго. Мистриссъ Гоггсъ, однако-жъ, проспала нѣсколько часовъ.

На зарѣ телескопъ доложилъ объ опустошеніяхъ, произведенныхъ четвероногими гостями. Отъ дромадера оставался только окровавленный костяной остовъ, за который однако жъ еще держалась ременная подпруга съ желѣзнымъ крючкомъ, такъ, что куда голодные любители оглоданныхъ костей не растащатъ остатковъ пиршества, аэростату приходилось стоять неподвижно и служить для абиссинскихъ астрономовъ новою планетой. Спуститься внизъ по веревкѣ воздухоплателямъ было невозможно, потому что это значило спуститься прямо въ какую-нибудь кровожадную пасть; оставаться на мѣстѣ становилось не легче.

Къ несчастію, нужно еще было раздору возникнуть между обитателями аэростата. Ихъ волновали самыя бурныя и неукротимыя страсти. Двѣ партіи, качаемыя вѣтромъ надъ кратеромъ львовъ, становились въ боевой порядокъ, чтобъ растерзать одна другую. Если бы въ числѣ запасовъ на аэростатѣ находились два печатныхъ станка, свѣтъ увидѣлъ бы двѣ новыя газеты и мистриссъ Гоггсъ завела бы комиссіонерство для подписки и кабинетъ для чтенія. Таковъ ужъ человекъ! Удивляйтесь послѣ этого спорамъ ррековъ въ то время, когда Магометъ-Второй стоялъ подъ воротами Константинополя!

Синьоръ Бельзони, въ похвальномъ намѣреніи водворить миръ, сдѣлалъ мистеръ Гоггсу довольно странное предложеніе.

— Мистеръ Гоггсъ, сказалъ онъ: англійскіе законы и исповѣданіе ваше допускаютъ разводъ, неправда ли?

— Допускаютъ, отвѣчалъ мистеръ Гоггсъ.

— Ну, я согласенъ помочь вамъ въ этой опасности, если вы подпишете вотъ эту бумагу, которую я сочинилъ въ прошедшую ночь при свѣтѣ луны.

— Не еще ли тысячу фунтовъ стерлинговъ вамъ прибавить? спросилъ мистеръ Гоггсъ.

— Нѣтъ, по-меньше этого. Я требую, чтобы вы развелись съ вашей женой.

— О, небо! вскричалъ мистеръ Гоггсъ такъ, какъ зовутъ сосѣда на помощь.

— Если вы не согласитесь, я обрѣжу веревку и мы все трое отправимся на луну. Ваша жизнь виситъ на ниточкѣ. Вотъ открытый ножъ. Я ваша Парка. Я сейчасъ перерѣжу эту нитку.

Мистеръ Гоггсъ остановилъ руку Бельзони.

— А источники Нила! а ученый вопросъ, синьоръ Бельзони!

— Наплевать я хотѣлъ на источники Нила и на ученый вопросъ! вскричалъ Бельзони: я люблю вашу жену и если вы не дадите мнѣ слова, тотчасъ же по прибытіи на землю развестись законнымъ порядкомъ, я проткну шаръ.

— Онъ это сдѣлаетъ! онъ право сдѣлаетъ! сказала мистриссъ Гоггсъ, утирая глаза облакомъ: пожертвуйте собою для вашихъ дѣтей, любезный Гоггсъ, и забудьте обо мнѣ.

— Вы видите, что ваша супруга согласна на разводъ, замѣтилъ Бельзони.

— Ахъ, Боже мой! вскричала мистриссъ Гоггсъ: на что же не согласишься въ такомъ положеніи, въ какомъ мы теперь находимся! Вѣдь мы стоимъ на двѣ тысячи тоазовъ выше человѣческихъ законовъ и гражданскихъ уложеній!

Мистеръ Гоггсъ нахлобучилъ себѣ тучу на голову и попросилъ четверть часа на размышленіе. Бельзони вынулъ часы и кивнулъ въ знакъ согласія.

Черезъ четверть часа мистеръ Гоггсъ сказалъ:

— Знаете ли вы, синьоръ Бельзони, что это ужасная вещь, чего вы отъ меня требуете?

— Только-то вы выдумали въ четверть часа, мистеръ Гоггсъ? возразилъ Бельзони снова взявшись за ножъ: я повторяю вамъ, милостивый государь, что я люблю вашу жену, люблю любовью на двѣ тысячи тоазовъ выше уровня; люблю, какъ любятъ надъ облаками. Это страсть неукротимая, такъ ужъ лучше не перечьте ей. Впрочемъ, вы уже не имѣете и правъ на вашу жену.

— О! это ужъ слишкомъ!... Я не имѣю правъ на мою жену! Кто же отнялъ у меня эти права?

— Наше новое положеніе, мистеръ, Гоггсъ. Ваши узы разсторгнуты. То, что вы сказали на землѣ, не имѣетъ силы надъ облаками. Подумайте еще четверть часа и рѣшайтесь. Ваша жизнь виситъ на ниточкѣ.

— Синьоръ Бельзони, будьте справедливы...

Я люблю вашу жену, мистеръ Гоггсъ!

— И я тоже люблю ее... я самъ влюбленъ въ мою жену...

— Дерзновенный! вскричалъ Бельзони: обдумывайте ваши выраженія, или страшитесь моего гнѣва. Какъ вы смѣете говорить мнѣ о вашей любви?

— Но, мнѣ кажется, я имѣю право! отвѣчалъ мистеръ Гоггсъ съ достоинствомъ: вѣдь я законный мужъ моей жены.

— Несчастный! вскричалъ Бельзони, вскочивъ безъ всякой осторожности, такъ, что чуть не опрокинулъ лодку: несчастный! вы не хотите развестись! Такъ я самъ разведу васъ лезвиемъ этого ножа. Я перерѣжу эту веревку и мы унесемъ въ безпредѣльность. Мы поднимемъ на такую высоту, съ которой не спустимся и въ пять лѣтъ. Но передъ отправленіемъ въ путешествіе я выброшу васъ забортъ и мы съ вашей женой останемся въ этомъ воздушномъ замкѣ, вольные какъ вѣтеръ и счастливые какъ

только можно быть счастливыми въ воздушномъ замкѣ. Мы будемъ ѣсть орловъ, пить росу небесную и насмѣхаться надъ землей съ высоты нашей лодки; наплюемъ въ бороды египетскимъ кадїямъ и лондонскимъ констеблямъ: оснуемъ новый міръ, какъ Адамъ и Ева, и будемъ воспитывать нашихъ дѣтей въ идеяхъ, возвышенныхъ сообразно высоты нашего царства. Потомъ, современемъ, спустимся на какой-нибудь гостепріимной землѣ, на примѣръ въ центрѣ Африки, на берегу осѣненной рощами озера. Наше юное семейство, рожденное на небѣ, принесетъ съ собою добродѣтели, которыхъ недостаетъ на землѣ, и городъ, который мы построимъ, будетъ дѣвственъ и чистъ отъ всѣхъ заразъ и золь, какія ваши европейскіе жители городовъ передаютъ изъ рода въ родъ. Вотъ мой планъ! Сообразите всю его глубину и, если вы не послѣдній изъ людей, вы должны вполне одобрить его; вы должны сами низвергнуться на землю, чтобы не мѣшать моимъ благороднымъ намѣренїямъ; вы должны бѣгствомъ спастись отъ зрѣлища нашего счастья.

— Синьоръ Бельзони, сказалъ мистеръ Гогсъ, тронутый краснорѣчіемъ ученаго оратора: вы требуете отъ меня вещей, которыя превосходятъ силы человѣческія... Позвольте напомнить вамъ правила чести... Есть басня, которая говоритъ: „Жили два пѣтуха...“

— Къ чорту ваши басни, мистеръ Гогсъ! вскричалъ Бельзони: у васъ, у англичанъ, всѣ басни только и толкуютъ, что о пѣтухахъ. Мы съ вами не пѣтухи и мистриссъ Гогсъ не... Сдѣлайте одолженіе, не забывайте почтенія къ дамамъ, или... вы имѣете дѣло со мною!

— И прекрасно! отвѣчалъ мистеръ Гогсъ, у котораго природная кротость уже истощилась: нужно же, чтобы это кончилось чѣмъ-нибудь. Пусть оружіе рѣшитъ. Выбирайте вашихъ секундантовъ, часъ и мѣсто.

При этихъ словахъ мистриссъ Гогсъ пронзительно вскрикнула и бросилась разнимать противниковъ, какъ-будто бы они уже рѣзались.

— Чтѣ вы дѣлаете, безумные! вскричала она: у васъ всего семь футовъ полу подъ ногами, а вы хотите сражаться! Чтѣ же станетъ со мной въ этой неизвѣстной облачной странѣ, когда вы оба падете на полъ битвы? Голодь, конечно, можетъ заставить меня противъ воли питаться вашими тѣлами. Но когда эта небольшая провизія истощится, чтѣ я стану дѣлать? въ какой трактиръ, на какой рынокъ прикажете мнѣ идти здѣсь, среди облаковъ? Ради неба, нашего сосѣда, умилосердитесь надъ бѣдною женщиной, которая черезъ вашу безумную храбрость можетъ сразу лишиться и мужа и любовника!

Тутъ она сѣла къ мужу на колѣни и самымъ нѣжнымъ, самымъ сладкимъ голосомъ спросила:

— Скажи мнѣ, Гогсъ, ты любишь меня?

— Люблю ли я тебя! вскричалъ мистеръ Гогсъ съ двумя слезами, которыя прохожее облако въ тотъ же мигъ выпило.

— Такъ ли ты меня любишь, какъ въ медовый мѣсяцъ, который мы съ тобой провели въ гостинницѣ „Звѣзды и Подвязки“, въ Ричмондѣ, на этомъ островѣ Киприды въ Миддлсекскомъ графствѣ?

— О! неужели ты можешь сомнѣваться, обожаемая жена моя? Я люблю тебя точно такъ же, какъ въ тотъ день, когда собирался идти съ тобой къ алтарю.

— Ну, такъ докажи мнѣ твою любовь.

— Говори, я все исполню.

— Гоггсъ, мы въ плачевномъ положеніи...

— Это я вижу.

— Но ты недостаточно видишь, мой обожаемый Гоггсъ: ты не видишь, что намъ троимъ тѣсно здѣсь, на этой маленькой лодочкѣ. Одинъ изъ насъ долженъ пожертвовать собою для счастья и спокойствія остальныхъ и я избираю тебя.

— Меня! вскричалъ мистеръ Гоггсъ съ явнымъ желаніемъ отступитъ на два шага. Но мѣста не было.

— Тебя, продолжала жена: синьоръ Бельзони не уступитъ. Страсть слишкомъ далеко пустила корни въ его сердце. Онъ не откажется отъ своего намѣренія.

— Ахъ, Боже мой! какія странныя вещи вы мнѣ говорите, сударыня!

— Успокойся, Гоггсъ, будь по-хладнокровнѣе. Ты видишь, что я спокойна, а я — слабая женщина, одинокая между двумя соперниками и между двумя безднами. Синьоръ Бельзони изложилъ намъ свой планъ и я нахожу, что это планъ удивительный, прекрасный, гораздо прекраснѣе и разсудительнѣе плана открытія источниковъ Нила, который, конечно, не имѣетъ источниковъ. Планъ синьора Бельзони — вдохновеніе свыше. Намъ съ нимъ, конечно, предопредѣлено основать образцовую колонію въ самой иностранной изъ иностранныхъ земель. Противиться такому дивному плану значитъ ставить святотатственную преграду будущимъ судьбамъ человѣчества. Вспомни, Гоггсъ, что ты членъ лондонскаго филантропическаго клуба и что ты обязанъ пожертвовать собою для насъ двоихъ въ частности и для человѣчества вообще.

— Да! отвѣчалъ мистеръ Гоггсъ: я членъ филантропическаго клуба, но я мизантропъ, какъ и всѣ лондонскіе филантропы. Вамъ, сударыня, это очень хорошо извѣстно. Вы знаете, что наше милосердное заведеніе имѣетъ цѣлью облегченіе бѣдствій несчастныхъ дикарей, обитающихъ на мысѣ Горнъ и на Ванъ-Дименовою Землѣ, и что мы ежемѣсячно говоримъ по сту рѣчей объ этихъ канибалахъ. Но этого и довольно. Больше никто изъ насъ не обязывался дѣлать для человѣчества. Что касается до меня лично, такъ по-мнѣ, чортъ его возьми! Вотъ мое мнѣніе.

— Тѣмъ хуже для васъ, мистеръ Гоггсъ, сухо возразила жена: вы эгоистъ. Это я всегда видѣла и на землѣ. Вы надъ облаками не исправились.

— Но, помилуйте! вскричалъ мистеръ Гоггсъ въ отчаяніи; вѣдь вы предлагаете мнѣ рѣшительно невозможныя вещи!

— Невозможныя для трусовъ, мистеръ.

— Ну, станьте вы на мое мѣсто, мистриссъ!

— Я, мистеръ, останусь, гдѣ стою.

— Не угодно ли вамъ самимъ прогуляться вертикально сверху внизъ съ высоты Монъ-Блана!

— Почему же не прогуляться, когда это нужно для блага человѣчества.

— Ну, такъ попробуйте!

— Да вы, кажется, смѣтаетесь надъ нами, милостивый государь! вскричалъ Бельзони: такъ-то вы помните уроки французской вѣжливости, преподанные вамъ въ Бирмингемской грамматической школѣ?... Боже мой! гдѣ мы? въ какомъ мѣрѣ живемъ мы? Мужчина, англичанинъ, дворянинъ, осмѣливается предложить женщинѣ прогуляться сверху внизъ по Монъ-Блану, какъ снѣжной глыбѣ! Да вы свирѣпое чудовище, милостивый государь!

— Прекрасно! сказалъ мистеръ Гоггсъ съ ужасомъ, который прикрывалъ спокойствіемъ лица.

— Такъ вы отправитесь? спросила мистриссъ Гоггсъ, указывая пальчикомъ на бездонную пропасть.

— Какъ ей хочется спихнуть меня! подумалъ мистеръ Гоггсъ, и прибавилъ: мистриссъ, если вы не оставите преслѣдовать меня этимъ покушеніемъ на убійство съ низверженіемъ, я потребую васъ въ судъ.

— Потребуйте, мистеръ Гоггсъ, потребуйте!

— Вы знаете, мистриссъ, какъ я ненавижу семейныя ссоры.

— Если бы вы дѣйствительно ненавидѣли ихъ, то давно уже скакнули бы за бортъ этой лодки и мы теперь были бы спокойны.

— То есть, я лежалъ бы преспокойно, мертвый, тамъ, въ пустынь, засыпанный пескомъ!

— Чтò жъ за бѣда! Зато ваше благородное самоотверженіе послужило бы къ общему благу, къ благу всего народонаселенія этого аэростата.

— Но я вѣдь тоже составляю часть этого народонаселенія!

— Вы принадлежите къ меньшей партіи и должны уступить большинству.

— Положимъ, что я третій классъ. Это самый многочисленный.

— О! сдѣлайте милость, избавьте насъ отъ этихъ статистическихъ расчетовъ, мистеръ Гоггсъ! замѣтилъ Бельзони: благородный Курцій не тратилъ такого множества праздныхъ словъ, когда бросился въ пропасть, чтобы спасти римскій народъ.

— Ва! чтò такое Курцій? Курцій — басня!

— Не дерзайте поносить героевъ! Постыдитесь вашей трусости, мистеръ Гоггсъ!

— Да! посмотрѣлъ бы я на этого Курція на моемъ мѣстѣ!

— На вашемъ мѣстѣ онъ скакнулъ бы по первому вызову и лошадь его тоже скакнула бы.

Нѣсколько минутъ длилось молчаніе.

Если бы не анархія господствовала въ этой маленькой воздушной колоніи, въ этомъ тріо безъ гармоніи, несчастный народъ могъ бы насладиться зрѣлищемъ истинно прекраснымъ: дневной свѣтъ, постепенно и быстро ослабѣвая, представлялъ въ облачныхъ парахъ безконечный рядъ миражей. Глазъ спокойнаго зрителя могъ бы наблюдать за послѣдовательнымъ фантастическимъ рожденіемъ длинной улицы, составленной изъ тысячи колоссальныхъ городовъ, улицы, въ которой Ниль образовалъ канавку отъ Элефантины до провинціи розъ, до прелестной и благоухающей Арсики, которую наши новѣйшіе варвары — географы, такъ плоско называютъ *Файюнь*! Геродотъ видѣлъ эту дивную улицу, древній Египетъ. Нынче она изрублена въ куски по берегу своей вѣчною рѣки. Но волшебный миражъ отъ времени до времени возобновляетъ ее силою призмъ, неизвѣстныхъ физикамъ. И когда это диво совершается, можно подуматъ, что присутствуешь при полномъ воскресеніи древней имперіи фараоновъ; тысячи катакомбъ нильскихъ городовъ какъ-будто выпускаютъ полчища мумій, многочисленнѣе песчинокъ Суэса и Офира. Такъ и видишь безконечныя процессіи Изиды и Озириса, выходящія изъ Сфинксовыхъ Воротъ, изъ-подъ колоннадъ Луксорскаго Храма; слѣдишь глазами за живыми волнами народу, подъ арками стовратныхъ Оивъ; участвуешь при жертвоприношеніяхъ Анубиса, въ золотомъ и лазоревомъ святилищѣ Гермесова Храма. Но чудеснѣе всѣхъ этихъ пышныхъ картинъ древности, вызванныхъ разложениемъ солнечныхъ лучей, картина, которую представляетъ лабиринтъ озера Мѣриса. Можно даже видѣть на горизонтѣ двѣ шестисотъ футовыя пирамиды, увѣнчанныя двумя бронзовыми вызолоченными статуями, которыя правдивый Геродотъ видѣлъ, какъ я вижу васъ, и которыя, по Страбону, поглощены глубокими водами озера.

Всѣ эти чудеса остались непримѣненныя нашими путешественниками, изъ которыхъ двое были — ученые.

Мистеръ Гоггъ походилъ на аэролитъ. Онъ окаменѣлъ. Ему казалось, что онъ слетѣлъ съ луны и остановился на пол-пути.

— Мистриссъ Гоггъ смотритъ на вещи съ высшей точки зрѣнія, сказалъ Бельзони съ спокойнымъ достоинствомъ, и я вполне одобряю ея мнѣніе. Мудрая рѣчь ея придала моей страсти новую силу. Я чувствую теперь, что отнынѣ ничто уже не можетъ разлучить двухъ сердецъ нашихъ: мы на небѣ пишемъ нашъ договоръ любви.

— Право, сказалъ мистеръ Гоггъ глухимъ голосомъ: я никогда не бывалъ въ такомъ изумленіи, въ такомъ замѣшательствѣ! Я падаю съ облаковъ....

— Падайте! падайте! подхватила мистриссъ Гоггъ: послѣдуйте этому благому вдохновенію и очистите намъ поле. Мы обѣщаемъ вамъ приходить каждый день плакать надъ вашею могилой, если вы найдете себѣ могилу, при покровительствѣ Мегемета-Али.

— Вотъ оказія! проворчалъ мистеръ Гоггъ.

— Ступайте же! сказала жена убѣждающимъ тономъ! ступайте, любезный Гоггъ. Вѣдь труденъ только первый шагъ: потомъ вы сами увидите, какъ легко будетъ про-

должать.... Вы еще медлите, супругъ неблагоразумный? Вы хотите, чтобы я поразила васъ послѣднимъ побѣдительнымъ доводомъ?.... Хорошо, Гоггсъ, вотъ онъ, этотъ доводъ: ты, безсовѣстный отецъ, въ воздушныхъ пространствахъ забылъ, что ты въ Каирѣ, въ гостинницѣ Куломба, оставилъ двоихъ дѣтей?

— О! нѣтъ, я не забылъ! отвѣчалъ глубоко тронутый мистеръ Гоггсъ.

— Чтò станется съ этими дѣтьми! вскричала жена.

— Когда я умру?....

— Нѣтъ, когда ты будешь столько малодушень, что останешься въ-живыхъ. О, несчастный! твои бѣдныя дѣти осиротѣютъ и опредѣлятся барабанщиками въ армию паши. Синьоръ Бельзони, поклянись принять ихъ подъ ваше покровительство.

— Клянусь! отвѣчалъ Бельзони.

— Ну, и послѣ этого примѣра преданности, который подаетъ тебѣ синьоръ Бельзони, ты всё-еще колеблешься? продолжала мистриссъ Гоггсъ. Развѣ ты не знаешь, сколько есть въ исторіи отцовъ, которые пожертвовали собою для своихъ дѣтей?... Врутъ, Икаръ, Уголино!.... Прибавь еще одно имя къ этому списку чадолубивыхъ отцовъ, и подумай, что изъ глубины этихъ пространствъ сорокъ вѣковъ взираютъ на тебя! Ну, любезный Гоггсъ! одно великодушное движеніе и — конецъ!

— Это она называетъ великодушнымъ движеніемъ! проворчалъ огорченный мужъ: великодушное движеніе! свались съ высоты двухъ тысячъ тоазовъ!.... О! если бъ я могъ, какъ Уголино, пожертвовать собою для моихъ дѣтей и скушать ихъ за завтракомъ, чтобы сохранить имъ родителя и избавить ихъ отъ бѣдствій сиротства!....

Говоря это онъ взялъ рукою одну ногу и перекинулъ за бортъ лодочки.

Мистриссъ Гоггсъ захлопала въ ладоши и вскричала:

— Наконецъ онъ рѣшается! Бѣдныя мои дѣти могутъ жить и мы тоже!

Бельзони остановилъ другую ногу въ ту самую минуту, когда она поднялась, чтобы послѣдовать за первою.

— Довольно! сказалъ онъ: я доволенъ вами, мистеръ Гоггсъ: если вы готовы сдѣлать столько, такъ ужъ, конечно, будете согласны на менѣе важную уступку. Я удовольствуюсь разводомъ. Угодно вамъ подписать?

— Но зачѣмъ же? возразила мистриссъ Гоггсъ: зачѣмъ лишать мистеръ Гоггса свободы въ выборѣ самопожертвованія? Можно развестись различными способами. Если мой обожаемый супругъ предпочитаетъ воздушный полетъ, такъ это уничтожаетъ всѣ дальнѣйшія затрудненія и лучше всего обезпечиваетъ будущность нашей африканской колоніи и счастье нашихъ дѣтей.

— Справедливо, отвѣчалъ Бельзони. Притомъ, о вкусахъ спорить не должно. Мистеръ Гоггсъ воленъ выбирать.

— Я лучше подпишу! сказалъ мистеръ Гоггсъ, не подумавши.

— Обдумайте хорошенько, сказала жена: вы, можетъ быть, современемъ раскае-

тесъ на землѣ, что упустили этотъ воздушный случай обезпечить будущность вашего семейства и пріобрѣсть себѣ ничѣмъ не отуманенное спокойствіе.

— Нѣтъ, отвѣчалъ мистеръ Гоггсъ, сколько я ни думаю, всё нахожу, что лучше подвергнуться этому раскаянію.

— Берегитесь, супругъ мой, берегитесь! Когда будете, тамъ внизу, свидѣтелемъ нашего счастья, вы неразъ скажете себѣ: О! зачѣмъ я не тамъ, на верху, на краю лодочки, съ одною ногой за бортомъ, откуда такъ прекрасно могъ пожертвовать собою для счастья моихъ дѣтей!

— Ну, пусть! я рѣшаюсь.... на это восклицаніе! Я лучше подпишу....

— Безразсудный! вскричала мистриссъ Гоггсъ и, обратясь къ спутнику, прибавила: скажите, вы, мослѣ Бельзони, — вы, человѣкъ умный, — что бы вы сдѣлали на мѣстѣ моего мужа.

— О! я тотчасъ бросился бы.

— Это потому, что вы любите меня; но онъ... онъ, этотъ неблагодарный!... онъ никогда не любилъ меня!

— Это не бѣда, возразилъ Бельзони: мы можемъ удовольствоваться простымъ разводомъ. Въ счастіи не должно быть взыскательнымъ....

Новое обстоятельство, порожденное самымъ положеніемъ вещей, отвлекло путешественниковъ отъ вопроса о разводѣ. Съѣтные припасы истощились. Голодъ уже съ прошедшаго дня вопіялъ во внутренностяхъ воздухоплателей объ обѣденномъ времени. Увы! говоритъ поэтъ: голодъ дурной совѣтникъ! *Mal esuada fames!* Бельзони, одаренный аппетитомъ канатнаго плясуна, началъ терять терпѣніе и произносить глухія угрозы, которыя отзывались людоедствомъ.

— Мистеръ Гоггсъ, сказали онъ: вопросъ о разводѣ становится второстепеннымъ: прежде всего нужно пообѣдать. Наше пребываніе здѣсь можетъ продлиться, неизвѣстно сколько, а по сосѣдству нѣтъ ни гостинницы, ни рынка. Я здѣсь всѣхъ сильнѣе, стало-быть, вы всѣхъ слабѣе. Если наше положеніе останется въ такомъ видѣ еще одинъ день, я, въ видахъ самосохраненія, принужденъ буду сдѣлаться антропофагомъ. Вашей супругѣ тоже нужно жить и законъ предписываетъ вамъ кормить ее. Завтра, если намъ не поможетъ какое-нибудь чудо, я буду поставленъ въ печальную необходимость пожертвовать однимъ пассажиромъ, чтобы накормить двухъ остальныхъ. Вы видите, мистеръ Гоггсъ, что для васъ разлука съ женою во всякомъ случаѣ неизбѣжна.

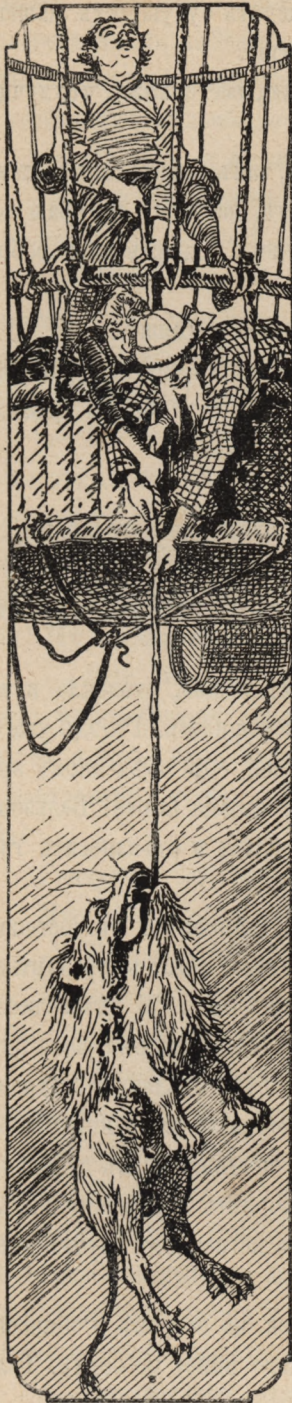
Мистеръ Гоггсъ склонилъ голову, какъ плѣнный дикарь на островѣ Робинсона.

Тутъ разговоръ былъ прерванъ рыканіемъ льва, шедшаго внизу по землѣ. Телескопъ направили на остатки дромадера.

„*Tarde venientibus ossa!* Поздно прійдешь, оглодки найдешь!“

Такъ, казалось, разсуждалъ царь звѣрей надъ развалинами скелета. Оставался однако жъ еще кусочекъ довольно вкусный, подпруга изъ сыромятнаго ремня, къ кото-

рой былъ пристегнуть желѣзный крюкъ. Лафонтенъ называлъ волковъ „обжорами“. Что жъ бы онъ сказалъ о львахъ, если бъ видѣлъ этого? Какъ истинный обжора, этотъ левъ прельстился запахомъ крови и проглотилъ сыромятную подпругу и съ крючкомъ. Воздушный шаръ сильно закачался. Попавшійся какъ на удочку, царь звѣрей дѣлалъ отчаянные прыжки, которые свидѣтельствовали, что страданія его выше львиныхъ силъ. Шаръ, долго остававшійся въ неподвижномъ положеніи, судорожно трепеталъ и метался со стороны на сторону, велѣдъ за движеніями своего полужадушеннаго вожатаго.

— Подпишите эту бумагу, тогда я васъ спасу, сказала Бельзони мистеръ Гоггеу.

— Подписывайте, подписывайте! вскричала мистрисъ Гоггсъ: вы видите, что дѣло неизбѣжное.

Мистеръ Гоггсъ вздохнулъ и подписалъ.

Бельзони взялъ веревку и сильно дернулъ. Левъ зарычалъ въ смертномъ томленіи и рвался изъ послѣднихъ силъ. Въ пустынь раздался страшный стонъ; чудовище всею тяжестью тупа упало на песокъ и шаръ снова дрогнулъ такъ, что пассажиры едва усидѣли.

— Теперь помогите мнѣ оба, сказалъ Бельзони: возьмитесь всеми шестью руками за веревку, да, главное дѣло, дружно!

Надежда на избавленіе удвоила силы путешественниковъ. Бельзони, сильный какъ балаганный атлетъ и привычный къ обращенію съ канатомъ, замѣнялъ двухъ тягловыхъ лошадей. При каждомъ усилии шести соединенныхъ рукъ, левъ величественно поднимался въ воздушныхъ пространствахъ. Поднявъ его до уровня лодочки, Бельзони отрѣзалъ все четыре лапы и нѣсколько кусковъ сочнаго филѣ, а остальное представилъ коршунамъ пустыни.

— Вѣтеръ дуетъ къ Элефантинѣ, сказалъ онъ потомъ: мы покушаемъ нашей рыбки, а ночевать будемъ въ шалашахъ Ассуана.

Аэростатъ, освободившись изъ неволи, съ быстротою стрѣлы прорѣзалъ воздухъ, между-тѣмъ какъ пассажиры занимались приготовленіемъ себѣ обѣда. Бельзони, какъ

сильнѣйшій, и тутъ присвоилъ себѣ львиную долю, однако жъ былъ столько вѣжливъ, что подносилъ лучшіе кусочки владычицѣ своего сердца.

Аэроплатъ опустился, какъ предвидѣлъ Бельзони, на оазисъ Сіены или Ассуана, незадолго до заката солнца. То была страна обитаемая.

— Мистеръ Гоггсъ! сказалъ Бельзони, подавая ему руку: я раздираю эту бумагу, подписанную тамъ, надъ облаками, и возвращаю вамъ вашу жену.

Мистриссъ Гоггсъ слегка вздрогнула. Она обидѣлась.

— Я пошутилъ, извините меня, продолжалъ Бельзони: мнѣ стало скучно въ безпредѣльномъ пространствѣ и я придумалъ это средство, чтобы убить безконечное время. Послѣ экартѣ мы играли въ разводъ. Вы, мистеръ Гоггсъ, имѣете получить обратно вашу жену въ видѣ консольяціи.

На другой день они поплыли по Нилу и проспали всю дорогу до джизейскихъ пирамидъ.

